

Яков Шелль

Рояль. Сборник рассказов

16+

Яков Шелль

Рояль. Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Шелль Я.

Рояль. Сборник рассказов / Я. Шелль — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Короткие рассказы о любви, о людях, их переживаниях, взаимных отношениях, дружбе, счастье, о благородных и возвышенных чувствах, о нашей жизни и наших проблемах. Все они разные, как полевые цветы в букете: и грустные, и добрые, и мудрые, и смешные. Тематика рассказов разнообразна, но их объединяет одно — поиск ответов на вопросы: зачем человек живет, в чем смысл жизни, в чем заключаются главные наши ошибки и заблуждения?

**Том первы
й
Рояль**

Когда-то в этой семье родители купили рояль для дочери, чтобы она занималась музыкой и стала знаменитой певицей. Не смея спорить, она разучивала сольфеджио, овладела несколькими отрывками из знаменитых произведений. Но интереса к музыке у нее не было. Повзрослев, она поступила в какой-то институт и полностью охладела к роялю. Он стоял в гостиной, пылился и часто среди белого дня впадал в дремоту. Но сегодня дочери исполнилось 30 лет, родители назвали своих друзей, она своих подруг, накрыли большой стол, пригласили известного музыканта исполнить фортепианный цикл Петра Чайковского «Времена года».

И пожилой музыкант в черном фраке пришел, подошел к старому роялю, сел на стул, медленным движением, словно прикасаясь к любимому другу, бережно положил узкие, длинные пальцы на инструмент и замер, закрыв глаза. Затем он медленно поднял руки и внезапно с силой опустил их на клавиши. Раздался густой аккорд.

Рояль вздрогнул.

Вслед за аккордом разлились по большой гостиной быстрые звуки, сливаясь в удивительную мелодию, они повторялись, создавая впечатление радостных, шумных, суетливых сборов на охоту, в них можно было различить громкие призывы охотничьих рожков и лай своры борзых. Вот уже быстрое аллегро имитирует погоню за зайцем на взмыленных лошадях, на которых восседают нетерпеливые всадники. Пронзительные звуки рождают перед мысленным взором сцены любимой забавы народа по началу осени – охоты на диких животных! Вспоминаются прекрасные строчки Александра Пушкина:

"Пора, пора! Рога трубят:

Псаря в охотничьих уборах

Чем свет уж на конях сидят;

Борзые прыгают на сворах."

«Сколько же всего во мне таилось!» – изумился старый рояль, вслушиваясь в обворожительные, волшебные звуки, которые извлекал сейчас из него пожилой музыкант, и беззвучные слезы потекли по его фанерному лицу. «С каким богатством звуков и мелодий я жил, даже не подозревая об этом. Какая, у меня, оказывается, глубокая, безбрежная душа, переполненное любовью сердце! Но как бы я узнал, на что способен, на что гоюсь, как мог бы познать себя, если до сих пор те, кто со мной общался, извлекали из меня только что-то простое, примитивное, мелкое, к примеру, песенки, типа: "Куда улетели небесные ласточки?" Поистине! Каждый извлекает из другого только то, что может, что ему нужно, на что он сам способен».

Между тем мелодия сменилась грустью, тихие аккорды пожилого пианиста навевают печаль увядающей природы, в ней уже слышится, как по ветру летят желтые листья, и кружат, приближаясь к остывающей земле; слышится, словно наяву, тупой стук спелых яблок о крышу дома, тихий, грустный шелест листвы; но легкие трели напоминают о последних теплых лучах солнца...

Трепетное, пронзительное чувство охватило старый рояль; он весь погрузился в величественный, прекрасный водоворот звуков, которые сам же издавал, чутко отзываясь на прикосновения талантливых пальцев пианиста, и при этом он то едва заметно усмехался, то качал головой, не веря себе, не понимая себя, даже недоумевая, что это он, старый рояль, оказывается, может потрясать слушателей, способен на такую глубину чувств, на такую пронзительную ясность и чистоту образов...

Вот темп музыки замирает, постепенно затихая. Все печальнее лицо пожилого музыканта. Так к осени затихает буйство летних красок, уходит тепло, тянет дымом костров. Вся природа вздыхает, вспоминая веселое беззаботное лето. Но уже по утрам первые заморозки, днем воздух все прозрачнее и свежее...

«Людам так мало нужно от самих себя! И, тем более, от других. Потому до сих пор я стоял, погруженный в дремоту, не зная себя, презирая себя за примитивность и ограниченность. Но сколько таких, как я, роялей, – забытых, заброшенных, не знающих себя, так и не встретивших за всю долгую жизнь своего музыканта, способного проникнуть в самую душу, погрузиться в неизведанные глубины, добраться до сокровенного, удивительного; дотронуться до самого лучшего во мне!..»

Новые звуки вторгаются в печальный осенний тон; их несет с собой зима, с первой пороши, с первых следов тройки на выпавшем снегу, с веселым звоном бубенцов промчавшейся почтовой тройки, и с заунывной песни ямщика; снег блестит и слепит глаза, мороз трещит и хватает за щеки. И перед внутренним взором слушателей большой гостиной, словно наяву, проносится бойкая, веселая тройка, Этот образ создает аллюр – темп, взятый пожилым музыкантом. А рядом у дороги стоит в тулупе молодая женщина с покрытой шалью головой. И смотрит её вслед. Но что звучит в её душе? Какие струны задела веселая тройка? А может вовсе не весело ей? Неужели зима проникла также в ее душу и остудила все надежды? Как ее утешить?

"Не гляди же с тоской на дорогу

И за тройкой вослед не спеши

И тоскливую в сердце тревогу

Поскорей навсегда затуши."

Грустные отголоски высоких и тонких нот сменяются приближением звука колокольчика, протяжной песней ямщика. И все это постепенно затихает вдали.

«Но разве я один такой – несчастный, непонятый, невостребованный? А среди людей? Кто из них может сказать, что рядом с ним находится именно тот, который из него черпает полной мерой, словно из родника, все лучшее, сокровенное, большое, чистое? Кто может сказать, что он познан и востребован на всю глубину и ширину? И если нет рядом такого человека, тогда остается только мечтать, что однажды кто-то подойдет, положит на тебя свои теплые чуткие руки, заглянет проникновенно в глаза и извлечет все прекрасное и самобытное, что в тебе таится, или спит, и ждет своего часа. Ах!..»

Замерли последние звуки. Знаменитый музыкант поднялся, поклонился и, переждав аплодисменты, занял свое место среди гостей за большим накрытым столом. Застолье нача-

лось. Застолье – тоже музыка, в ней ясно можно было различить тонкий перезвон бокалов, звонкий стук ножей и вилок, возбужденные голоса, выкрики тостов, отдельные возгласы, обрывки анекдотов, аккорды дружного смеха, и шум приглушенных разговоров через стол...

В углу гостиной беззвучно плакал старый рояль. Лучше бы этот музыкант не приходил, лучше бы не знать, на что ты способен, какая у тебя душа, что она может дать людям.

Но что звучит в душах людей?

Музыка застолий, мелодии рабочего дня, арии домашнего быта, песни одиночества?..

Афродита и Марс

Любовь находится в сердцах богов и людей, и спит. Только Афродита способна пробудить любовь, только ей это подвластно, никто не скроется от нее. Из всех мировых космических сил она одна могла человека обратить в раба. Человека! Самого могучего, после Богов, существа на свете! Но бессильного перед ней! И она замечала, что может подниматься бесконечно, до божественного. Но ее возвышение лежало в его падении. Тогда она достигала божественной высоты, когда человек оказывался на коленях и превращался в раба.

Грациозная, светлая, с распущенными длинными волосами, сверкая голубыми глазами, идет она величественно по полям и лесам, городам и деревням и тянутся к ней полевые цветы, и прыгают и резвятся вокруг нее ласковые звери, и кланяются и улыбаются ей приветливо встречные люди.

Ей, великой, прекрасной богини любви, ничего не стоит поставить человека на колени, обратить любого в раба, заковать в тяжелые, неразрывные цепи Гименея.

О Любви может говорить только Раб. И он, изумленный и благодарный, говорит:

„Она, эта великая, всемогущая, всепроникающая Любовь, входящая к людям на всей планете, нашла меня, в моем маленьком доме, и выбрала меня! Она снизошла ко мне со своего вселенского пьедестала, чтобы войти ко мне, взять меня за руку и увести в свой небесный божественный замок! Я поднимаюсь к тебе, любовь моя, и чем выше поднимаюсь, тем шире мне открывается твои просторы, твои красоты, твоя глубина, твоя бесконечность.“

Раб – это собственность Любви. Она решает, что в душу раба внести, и что оттуда вынести, что ей бы мешало. Отныне там ее гнездо, ее Небо. А он – небожитель. Он чувствует себя на Седьмом небе. Он бесконечно счастлив. И когда она приходит к нему, он простирает к ней руки и говорит:

„Возьми, Любовь моя, всю мою свободу! Все возьми – мою память и волю. Все, что у меня есть, ты мне дала, свою Любовь! И этим я богат. Я самый богатый на земле.“

Раб – никто. В нем всецело поселилась любовь, она выбросила все, что ей мешало, расчистила место. В рабской душе не осталось ничего, что ей бы мешало господствовать, ничего, что занимало бы место. И раб добровольно, со всей страстью, со всей решительностью это ей позволил. Он сам хочет служить, преклоняться, пресмыкаться, пожертвовать жизнью.

Раб всегда наг. Ему нечего скрывать одеждами. Он прекрасен душой и телом. Ведь он находится в царстве любви – этом раю, где сама любовь обнажена и прозрачна, словно туман. Только здесь, в царстве любви, раб самое совершенное существо.

Никогда не устанет тот, кто пребывает в царстве любви, там он черпает свежие силы; но если он даже однажды утомится, Любовь возьмет его на руки и он отдохнет. В самом деле! Утомляет тяжкий труд и заботы, но их нет в любви. Но разве можно устать от наслаждения? Может ли утомить любимый человек?

Не утомляет и рабство, – кого утомляет преданность, верность, готовность прийти на помощь? Не утомляют и болезни, ибо любовь все лечит...

Только раб постигает все Совершенство любви, как раб божий Его Всемогущество.

Но куда спешит Афродита сегодня? На горькие причитания и призывы любви спешит Афродита; это бедная, влюбленная без памяти Эвридика стонет и взывает к ней, единственной, кто может помочь в её горе; влюблена она в сильного, воинственного Виктора, бога Победы, безоглядно, но не отвечает он ей ни пылкостью, ни взглядом. Ничем. Прошли давно его чувства к ней, легкие, похожие на рябь на поверхности моря.

Никогда не любил Виктор, ни разу не смутила его девичья улыбка, не вспыхнула душа, не забилося отчего-то сердце, не дрогнули колени. Но женщины у него не переводились. Он только влюблялся. Но почему не шли чувства дальше влюбленности, не проникали вглубь души, не трогали сердце, не зрели и не превращались в сочные, сладкие гроздья любви? Отчего он так быстро остывал, не успевая раскалиться?

Не хотел он быть нагим, не терпел кому-то принадлежать, не стремился постичь все совершенство любви; ему была не до того.

Но до чего же было ему?

Подходит Афродита к его дому, стучится в крепкие двери, заглядывает в окна, но не открываются двери, не распахиваются окна. Не добраться Афродите до его сердца. Глуха его душа, темно у него на сердце.

Неподвластен ей Виктор, среднего роста, русский, кудрявый, большеглазый молодой человек. На сердце у него лед, холодом веет от его души, словно из подвала. Только на охоте загорается его взор при виде дичи, только от погони закипает его кровь!

Женщина для него – дичь, и охота на нее, – тот же азарт и страсть...

И, видя, как вьется вокруг него богиня Любви, хохочет и потешается Виктор.

– Мое сердце мертвое! Уж не хочешь ли ты оживить его, великая Афродита? Это все равно, что оживить камень...

Афродита даже растерялась. Как быть? Таким жутким холодом пахнуло на нее от его равнодушия. Могилой. Адом. Ей, всемогущей, пламенеющей покровительнице Любви стало не по себе. Что делать? Никогда не знала она поражения, любви до сих пор были все покорны!

Пробегала мимо Богиня охоты, юная златокудрая Диана, родная сестра Аполлона. Сколько у нее хлопот, несмотря на юность! Она заботится о поголовье скота, о бурном росте трав на лугах, приносит счастье в браке людям, благословляет рождение здоровых детей. Прекрасная, веселая, со смехом и звонкими криками охотится она на диких зверей в лесах, а потом пирует у брата своего Аполлона со своими многочисленными музами и нимфами.

– Подожди, богиня! – окликнула лесную красавицу богиня Любви. – Дай мне совет! Не могу найти управу на Виктора. Не ослабела ли я? Не пропали ли мои таинственные чары, думаю я?

Остановилась Диана возле Афродиты, смерила ее с ног до головы насмешливым взглядом и сказала:

– Охота – моя епархия, великая богиня, и каждый, кто в ней участвует, подчиняется ее законам и правилам. Мужчина ведь охотник и в принципе не может любить; это его привязало бы к одной женщине. Но его природная, родовая обязанность – создать здоровое, жизнеспособное потомство, это возможно только в случае, если он посеет семена детей у многих женщин. Выживет сильнейший и лучший, способный стать и быть новым охотником. Охотники влюбляются не в женщин, они влюблены в охоту на женщин!

Нет, не убедила Диана великую Афродиту. И охотники у нее падали навзничь, пронзенные стрелой Амура...

Стрела Амура! Быстрее зовите сюда Амура с его серебряными, поющими серенады, стрелами! Пусть пронзит суровое, ледяное сердце Виктора, пусть затрепещет оно, пораженное величием любви!

Прилетел на зов богини легкий, как облачко, златокрылый, Амур, прицелился, натянул тетиву мощной рукой, отпустил серебряную стрелу и понеслась она, пуше ветра, звеня по воздуху, и ударила в самое сердце Виктора. Ударила, отскочила, сломалась, разлетелась на мелкие кусочки. Железное сердце у Виктора, словно у воина, закованного в железные латы, защищен он от всех врагов, внешних и внутренних. Любовь – та же опасность, и таится где-то, и набрасывается внезапно, и губит безжалостно. Беспомощен перед ней незащищенный человек. Но сердце Виктора надежно защищено!

Пожал плечами златокрылый Амур и улетел восвояси.

Еще больше нахмурилась Афродита. Как же ей добраться до сердца Виктора?

Промчался за тучами бог Войны Марс, спешит, грозный, в сверкающих латах, на новую битву. Сколько сражений между людьми он уже разыграл, сколько крови пролил! И все ему мало, не натешится его кровожадное сердце! Люди глупые, наивные! Еще легче, чем любовь воспламеняется в их сердцах ненависть! Но если наполнено сердце ненавистью, там уже нет места любви. Вот если бы Афродита наполняла все сердца любовью, умер бы бог Войны, не смог бы он ослеплять сердца людей ненавистью друг к другу, любили бы люди только себя, и других, и все вокруг себя. Но почти всюду опережает Афродиту грозный Марс, больше сеет вокруг себя зависть и ненависть, чем она, – любовь?

Конечно, у человека, слабого, хитрого, злобного бесконечное множество причин ненавидеть другого, – за ущерб, за воровство, за подлость, за обман, за то, что тот живет лучше, за то, что богаче, за собственное ничтожество... Да мало ли? А есть ли за что любить другого? Только за добро, за красоту.

Насколько еще любовь слабее ненависти! Как легко она уступает ей! И потому громяют по земле войны, льется кровь, орошая поля и сливаясь в реки, множа ненависть, передавая ее потомкам; и уже родовые, племенные войны и убийства бушуют в поколениях, бессмысленно, неостановимо, бездумно. Это ненависть царит на земле от того, что она полыхает в сердцах!

Вот и сердце Виктора охвачено, словно панцирем, ненавистью к людям, невзлюбил соседей, презрительно смотрит на слабых, злобится на сильных...

Усмехнулся грозный Марс, глядя на тщетные потуги богини Любви, захохотал так, что горы затряслись, тучи сдвинулись и высекли золотые молнии. Хлынули струи дождя, словно стрелы, орошая поля злобой и недоверием, и новые всходы ненависти взошли нивой по всей Земле...

Нет, не всемогуща Афродита, богиня любви. Возомнила о себе. И потому любовь на Земле все еще большая редкость, желанная гостья..

Рыхлый

Он подъехал к ее дому точно в назначенное время, вышел из машины и тщательно огляделся по сторонам. Все было тихо, ничего подозрительного; вдоль улицы с обеих сторон стояли припаркованные машины, светило солнце, день обещал быть жарким. Он собрался с духом, выдохнул и направился было к ее подъезду через улицу, но в это самое мгновение каким-то чудом, каким-то боковым зрением увидел, как из-за перекрестка появился мужчина; он замер, вглядываясь в него. Мужчина был ему незнаком, высокий и грузный и, как бы немного... рыхловат; нет, он не знал его, но собачка, которая бежала впереди него на длинном поводке, была такса и... лично хорошо ему знакома, – это была Барби! О! такса знала его также хорошо! Когда он приходил к ней, они с Барби играли; он бросал по полу мячик и такса мчалась со всех лап за ним и, догнав, хватала его своей пастью и несла ему обратно, он снова кидал и она мчалась за ним, смешно скользя по паркету.

Да! Барби отлично его знала, могла унюхать на расстоянии и броситься к нему с радостным визгом! Он быстро вернулся в машину, включил мотор, проехал мимо них и Барби его

не учуяла; конечно, куда ее знаменитому собачьему нюху против дизеля от машины и изысканной туалетной воды «1Миллион» от него! Это был его новый образ, еще незнакомый ни ей, ни собаке. Он медленно объехал квартал и вернулся на прежнее место. Мужчины с таксой не было, они успели войти в дом, где жила она, ибо мужчина был ее муж. Он узнал его, проезжая мимо, по фотографиям на комодике и стенках гостиной. Но почему он оказался дома, а не на вокзале, почему он еще не уехал, как обещал? Почему ему назначили такое рискованное, ненадежное время встречи? – спрашивал он себя, сидя в машине. Минут через десять он снова увидел ее мужа, он вышел из подъезда, медленно и спокойно прошел до своего серебристого «Рено», солидно сел в него, медленно вырулил между машинами на открытую улицу и уехал. Но он ждал звонка на мобильный, будучи теперь ни в чем не уверенным, может быть свое твердое обещание уехать он отменил, поехал в магазин и скоро вернется. Через некоторое время позвонила она, извинилась и сказала, что он может зайти, муж позвонил с вокзала и, наконец-то, уехал далеко – далеко.

Выйдя из машины, он еще раз огляделся и вошел в ее подъезд. Она встретила его у двери и, как всегда, радостно и смущенно прижалась к нему; он видел, – она была ему искренно рада и потянулась своим горячим телом, которое он чувствовал и любил. Тут же примчалась такса и, увидев его, кинулась куда-то и вскоре вернулась, держа в своей пасти маленький мячик, которым они всегда играли. Он засмеялся наивной собачьей простоте, кинул мячик по длинному коридору и она с восторгом, заплетаясь лапами по скользкому паркету, понеслась за ним.

– Ну что мы стоим у порога, проходи, мой дорогой! – она взяла его за руку и, пройдя в гостиную, усадила в кресло, а сама устроилась на его коленях. Он огляделся. В самом деле, вот его фотография...

– Я на улице видел твоего мужа, – сказал он. – Первый раз в жизни!

– Ты знаешь, я сама не ожидала, что он перед отъездом решит еще Барби выгулять. Я боялась как бы вы не столкнулись в дверях. Ну, слава богу, он уехал. Что мы сегодня делаем?

– Он мне показался каким-то грузным и даже как бы...рыхлым, – продолжил он.

– Рыхлым? – переспросила она.

– А что мы будем делать? – прикинул он. – Я думаю, можно поехать на пруд, там разводят форель, можно будет полюбоваться на мальков, там есть и другие рыбы, такие огромные с острым носом, они водятся круглый год, а рядом во дворе есть ресторан, зайдём туда и закажем, например, жареную форель в соусе...

– Так ты говоришь, он рыхлый? – спросила она задумчиво. Он запнулся и посмотрел на нее, нет, она не шутила и форелью как будто не интересовалась. Странно, он знал, что она очень любит рыбу.

– Ну, может, он не рыхлый, – сказал он примирительно, – но так мне показалось, что он немного как бы...слегка рыхловат. А потом, после ресторана можно отправится на прогулку, подняться на гору на машине, выйти на свежий воздух, там есть одно изумительное место, такая небольшая площадка в лесу, с которой видны все окрестности, деревеньки и соседние горы, и долины и дороги, как они забавно петляют среди гор. А вечером...

– Нет, он не рыхлый! – неожиданно сказала она и поднялась с его колен. – И, знаешь что? Я, пожалуй, никуда не поеду, да, я остаюсь дома! А ты... ты, пожалуйста, больше сюда не приходи. Ясно?

Он поднялся, взял мячик у Барби, которая стояла передо ним и от нетерпения подпрыгивала на месте, катнул его по длинному коридору и она помчалась со всех лап за ним, а когда она вернулась с мячиком в зубах, его в квартире уже не было...

Нереальное задание

Вот грозный царь вызывает на персидский ковер бедного Ивана и так говорит ему:

– К завтрашнему утру, Иван Гаврилыч, чтобы был построен мост через речку, а на той стороне реки – летний дворец для отдыха царской многочисленной семьи со всеми ее прихвостнями. Понял?

«Задание, конечно, нереальное. Это даже козе понятно. Как можно успеть за ночь все это построить?» – думает Иван и скребет отчаянно под шапкой затылок. – На это уходят годы и то при условии, что стройматериалы не разворуют, строители не запьют, погода не испортится. Нет, невыполнимое задание! Ясно. Ладно. Как-нибудь выкручусь. Что-нибудь придумаю. Прикинусь шлангом, возьму больничный, сошлюсь на бабушкины обстоятельства. Не впервой – ловчить, обещать и тянуть резину».

Но мудрый царь хотя и не читал Соломона, своего коллегу по трону, видать, хорошо знал свой народ. Он и говорит далее:

– А чтобы ты, Иван Гаврилыч, не увильнул от работы, не наврал три короба, не стал бы выдумывать причины невыполнения и не сорвал все важнейшие сроки стройки вот тебе мое условие: не будет завтра к утру ни моста, ни дворца – не будет также твоей головы на плечах. Вот тебе мое царское слово.

«Как я плохо знал своего царя – батюшку! – ахнул про себя Иван. – В корень смотрит! Знает же, аспид, все сильные стороны своего народа! Это конец! Прощай, буйная головушка! Отгулял, недолюбил...»

Поклонился Иван царю и попятился из царских хором во двор, а оттуда побрел домой, закручинился, голова набок свисает, плачет...

«Неподъемное задание, – думает при этом, – не по силам. Такие задачи из разряда большой мечты, недостижимой цели, нереального желания. Это все равно, что выучить немецкий язык...»

Навстречу попалась ему красная девица, высокая и гладкая Василиса Прекрасная. Давно она была влюблена в Ивана, буйную, кудрявую, беспутную головушку, да он все на других девиц поглядывает, все выбирает, все никак не решится завести семью, все сомневается, – по плечу ли ему семья, потянет ли, по силам ли, реальная ли задача?

– Что же ты, сокол мой, не весел, голову повесил? – спрашивает она ласково Ивана – буйную, беспечную головушку. – Не к лицу ведь мужчине плакать!

– Это все царь! До слез довел, гадюка! – сказал Иван и плачет горше прежнего.

– Как ты такое говоришь о царе- батюшке, отце родном! – ахнула Василиса. – Он же такой добрый и заботливый!

– Вот именно! – зарыдал Иван. – Он для нас батюшка, отец родной, а мы для него пасынки. Невзлюбил меня. Задания неподъемные раздает...

– Зачем тебя вызывал наш царь на персидский ковер? – стала допытываться Василиса, а сама глядит на Ивана, глаз не может отвести. Такой он хороший, такой он пригожий, такой кудрявый..

– Велел мост через речку построить, и дворец ...

– Ну так построй! Эка невидаль – мост! Ты ведь инженер-строитель!

– За одну ночь?! – изумился Иван, вытирая кулаком крупные, как градины, необычные мужские слезы. – Да за одну ночь налюбоваться не успеваешь! Не то что мост!

– Ах, за одну ночь надо?! – изумилась Василиса и призадумалась. – Ну что же. Задание вполне реальное!

– Реальное?! – вскрикнул Иван и даже плакать перестал. – А я думаю – нереальное! Такие стройки годами... с перекурами... Как это?

– Для жены. – Тихо и как-то туманно пояснила Василиса Прекрасная, глядя в сторону. – Жена все может.

– Какая жена? – поразился Иван и даже огляделся по сторонам. – Я ведь, кажется, не женат.

– В том-то и дело, Ванюшечка! Ты даже жениться не можешь! Все выбираешь! А поскольку ты любишь выбирать – вот и выбери, голубок: или жена и дворец к утру, или кудрявая головушка с плеч.

– Жениться?! Завести семью? Это еще более нереальное задание! Вы с царем-батюшкой словно сговорились! Погубить меня хотите! Жениться! Это ведь дети, пеленки, недосып, крики...

– Чего только женщине не приходится делать! – сказала Василиса, глядя ласково на Ивана- дурачка. – Вот мужчины пошли, даже жениться не умеют. Придется женить! Дальше тянуть некуда.

Она взяла Ивана за руку и потянула за собой.

– Куда идем? – закричал Иван, упираясь. – Погубить меня хочешь?

– Наоборот, глупый, спасаю тебя! – засмеялась звонко Василиса, статная красавица. – Поженимся и, с богом, займемся стройкой!

На утро все было кончено.

Счастливый Иванушка еще нежился в мягкой супружеской постели на семи перинах, а на том берегу реки за высоким серебряным мостом в новый сверкающий дворец Василиса вбивала последний золотой гвоздь.

В загсе

– Дорогие молодожены, родители, сваты, друзья и гости! Сердечно приветствую Вас всех в этом зале бракосочетания. Сегодня радостный долгожданный день для Ивана и Марьи... Они дождались своего счастья!

Жених Иван, краснощекий, высокий крепыш с непокорным желтым чубом над покатым лбом, и невеста Марья, маленькая, с острым носом, красивая брюнетка с большими карими глазами и полными губами, стояли перед столом, покрытым зеленым бархатом; на столе стояла большая ваза с красными розами; сбоку от стола находилась кафедра с микрофоном, за кафедрой стояла судья ЗАГСа и без бумажки привычно держала торжественную речь по случаю бракосочетания.

– Ваш путь к счастью и любви прошел на моих глазах, – продолжила судья, молодая женщина лет 30 с темными глазами, высоким чистым лбом, кудрявыми русыми волосами, заплетенными в две большие длинные косы, спускавшиеся до пояса.

– А помнишь, Ваня, как все начиналось? – неожиданно обратилась она к жениху, и он вздрогнул. – Как ты приходил, стоял под окнами и ждал, когда я выйду? Каким ты был терпеливым и добрым! Ты никогда не знал, чего хотел и не добивался своей цели. Вот ты приходил летними, теплыми вечерами и ждал меня, а я смотрела на тебя из окна и любовалась тобой, а потом выбегала к тебе и мы целовались до одури, до головокружения... Ах, как я тебя любила, ненаглядный мой! ...

В небольшом деревенском зале ЗАГСа наступила пронзительная тишина...

– Сколько я слез пролила, глядела в окно, не идешь ли ты, – продолжала ровным голосом сотрудница ЗАГСа – Но все напрасно...

Невеста Ивана бросила на него из-под фаты быстрый обжигающий взгляд и снова опустила глаза. Иван глядел куда- то в сторону. Из открытого окна в зал залетел большой мохнатый шмель и устроился на яркую искусственную розу в черных волосах невесты.

– А помнишь, Марья, как все начиналось? Как ты ждала Ивана, который возвращался от меня, и ты увлекала его к себе? Ты была упорной и терпеливой и всегда знала, чего хочешь.. После наших встреч с Ваней ты увлекала его за собой ласками и упорством, тихо и незаметно вкрадывалась в его душу и сердце...

Следом за шмелем в окно, как две крошечные молнии, влетели две осы и также опустились на искусственную шикарную розочку, одна из них огляделась и переместилась затем на алую розочку, которая торчала из петлицы пиджака Ивана. Родители жениха и невесты, стоявшие позади молодоженов, изумленно глядели на судью, одновременно прислушиваясь к нарастающему шепоту за их спиной. От этих шепотов у них все больше вытягивались и краснели лица.

– А помнишь, Ванечка, как ты читал мне стихи?

– Помню! – эхом откликнулся, как зачарованный, Иван. – Как же не помнить!

Мело, мело по всей земле

Во все пределы

Свеча горела на столе,

Свеча горела...

– Я тебя не осуждаю, Марья, ты наверное тоже любила Ивана, может быть так же сильно, как и я. Но ты была упорнее, терпеливее меня и желала Ивана больше чем я. Я не была для тебя соперницей, и не хочу ею быть. Иван все рассудил, он выбрал тебя.

– А помнишь, Машенька, как мы с тобой на ранней зорьке рыбу удили? – вдруг заговорил высокий юноша с узким лицом, прямым носом и густыми длинными волосами над высоким лбом. Он поднялся со своего места за спиной молодоженов и говорил невесте в спину. – Помнишь, как ты прибегала на берег реки у высокой ракиты и мы садились рядышком и закидывали удочки в тихую сонную речку?

– Помню, Сереженька! – прошептала невеста, не оборачиваясь.

В маленьком зале стояла торжественная тишина. Только за окном весело трезвонили синички.

– Не в рыбе дело было, а тебя увидеть, ненаглядную. Какое счастье было придти первым рано-рано и с трепетом ждать тебя, и прислушиваться к твоим легким шагам! До сих пор стоят ясно перед глазами эти чудесные летние зорьки, когда я сидел и ждал тебя на реке у огромной ракиты...

– Я тоже ложилась спать и ждала утро, не могла уснуть, иной раз и вовсе не засыпала до утра, – продолжила невеста, как во сне. Иван покосился на нее, но ничего не сказал и уставился в окно.

– Тогда и я скажу! – неожиданно поднялся со своей скамьи пожилой мужчина в белой рубашке и седыми волосами. – любил я мать невесты, Дарьюшку, сердечко мое! Еще с детства, когда в садик нас водили. А потом подросли, разошлись наши стежки – дорожки! Я уехал учиться в городе, а она осталась в селе! Я приезжал, но она была замужем за конюха Петра, и я не смел к ней даже приблизиться.

– Страдала я, Павлик! – вскричала полноватая маленькая женщина в розовом с цветами платье, высокой прической и красивыми большими глазами, мать невесты. – Пошла замуж сдуру, натерпелась, думала, что Петя меня осчастливит. Ты уехал в город и свет для меня померк. Но не видела твоей любви, Пашенька, свои глаза были залиты слезами.

– Что-то я не пойму, тут исповедальня или все таки государственное учреждение, ЗАГС, а? – закричал конюх Петр, сухой, поджарый мужчина с длинным носом и высокими густыми бровями над маленькими глазами. – Устроили тут вечер воспоминаний! Может я тоже...любил Настю, соседскую девчонку, пока холостым ходил...

– Эту ту, конопатую? – уточнила жена, мать невесты.

– Не конопатую, а рыжую, как огонь!! Я так и звал ее «Огонёк»! Она не только была огненная с виду, она и внутри вся пыталась! Ах!...

В зале загудели, слышались отдельные аплодисменты. Это, скорее всего молодежь развлекалась, а может и серьезно аплодировали бывшему влюбленному.

– Что-то я не замечала! – пробормотала жена конюха и вытерла концом платка слезы.

– Конечно! – саркастически заметил муж Петр – ты все была в мечтах и мыслях. Терзалась! Ждала Павла, может объявится. Все нос воротила от меня.

– Может все таки обвенчаем наших детей? – закричал отец жениха. – Пока они не передумали!

– Вот мы сейчас их об этом спросим! – спохватилась служащая государственного учреждения.

– Хочешь ли ты, мой дорогой, любимый Ванечка, ненаглядный мой, взять в жены кроткую овечку... Марью Петрову? – спросила она, обращаясь к жениху.

– Нет! – прохрипел Иван и оглянулся на родителей, стоявших за его спиной с каменными и красными лицами.

– Хочешь ли ты, Марья Петрова, взять в мужа моего сокола Ивана Иванова?

– Нет! – звонко ответила Марья и бросила быстрый взгляд на Ивана.

Служащая загса упала на стул, стоявший позади нее. В зале бурно раздалось аплодисменты, перешедшие в овацию.

Все встали и аплодировали стоя.

– Что-то я не пойду! – закричал отец жениха. – Что тут происходит? Свадьба это или цирк? Мне некогда развлекаться, надо идти сено косить, навоз вывезти на поля...

Из за спины молодоженов вышла мать жениха, решительно направилась к кафедре и заступило место служащей, сидевшей в шоке на стуле.

– Что-то здесь пошло криво, – сказала она, глядя с любовью на сына, глядевшего в окно. – Я хотела его счастья, а оно чуть не вылилось в несчастье. Я его призывала жениться на Машеньке, я его и отзываю назад, и спрашиваю: хочешь, сыночек, жениться на Тане?

Таня, государственная служащая Загса, вздрогнула, услышав свое имя.

– Хочу, мама! – прохрипел Иван и бросил быстрый взгляд на Таню. Она вся залилась краской.

– А ты, Машенька, хочешь замуж на Сережу?

– Хочу, – пролепетала бывшая невеста Ивана.

– Тогда отойди в сторону! Сергей, иди сюда! – распоряжалась деловито мать бывшего жениха. – Ванечка, встань пока в сторонку! Нет, надо здесь давно навести порядок! Все криво поехало с этими браками... Что себе люди думают, – женятся на ком попало, просто тихий ужас!

Тут выдвинулась мать невесты, она было не такая решительная, как мать жениха, но не менее вредная.

– Павлик! – позвала она, – хочешь жениться на мне?

– Хочу! – отозвался, как эхо, Павел со своего места.

– Иди сюда и становись рядом! – повелела мать бывшего жениха.

Он поднялся со своего места и направился с Дарьей и встал рядом с ней.

Зал снова зааплодировал. Все поднялись.

– Таня, ты тоже иди сюда и становись рядом с Ванечкой! – продолжила она командовать.

Наконец благодаря ее четкому командованию и решительному голосу образовались перед кафедрой вместо одной четыре пары, впереди стояли Иван и Таня, за ними Марья и Сережа, позади них Дарья и Павел, замыкали четверку пар Петр и рыжая Настя.

– Торжественно объявляю вас всех мужем и женой! Поцелуйтесь! – прокричала мать Вани и зал содрогнулся в аплодисментах.

Третья сила

1. Две мировые силы

– Что же мне ему уготовить? – задумалась Судьба и отложила в сторону большую лупу, через которую она рассматривала сейчас этого человека. – Маленький рост, длинный нос и серые глаза. На что ему рассчитывать, имея такие исходные данные? Тут я достаточно хорошо поработала. Вот ему горькие страдания по этому поводу. Пусть бьется головой об стенку, рвет на себе рубашку. Надо же таким уродиться. Себе бы такое не пожелала!

– Как противостоять злой Судьбе? – подумал Мировой Разум и отложил в сторону увеличительное стекло, через которое он пристально вглядывался в человека. Было о чем подумать и он погрузился в глубокие размышления.

– Красивую женщину я не могу ему пообещать, это точно; может забыть о ней; не для его роста, даже если смотреть через увеличительное стекло. Но женщины не главное в жизни, а красивые – тем более. Говорят же, «красивая жена – это чужая жена». Жить с такой красоткой, значит постоянно пребывать в состоянии неустойчивого равновесия, или, говоря иначе, устойчивого неравновесия; это жизнь на болотной кочке – довольно зыбко. Будем довольствоваться маленькой чудесной женщиной, верной и невзрачной, но с распахнутой душой.

– С какой стороны нанести ему мощный удар? – подумала Судьба и уперла тяжелый взгляд в окно, за которым сверкнула молния и раскатился сухой треск грома. – Если только попробует упорным трудом и терпением, честолюбием и самопожертвованием создать достаток или состояние, – сожгу дотла, раздену до нитки. Пусть воет и стонет, пусть обольется горькими слезами!

– Как мне смягчить удары Судьбы? – продолжил размышлять Разум, и зажмурил глаза от внезапной вспышки молнии за окном. – Да, вот, надо обязательно застраховать имущество от пожара. Но даже если все сгорит. Пусть горит. Не важно. Хотя человек не осел, но на него надо грузить другие тяжести, а не имущество; ценности духовные не горят, не тонут, не прокисают. У меня нет раковины, которую другие всюду таскает за собой. При переездах на другое место особенно хорошо видна эта гигантская «Раковина». Пушу его по пути образования и духовных ценностей... Пусть набирается ума-разума.

– Вот, я вижу, он родился без малейшей искры способностей. Ноль. Ни на что не способный. Вот это рок – ничего не уметь, только завидовать другим. Ужасно завидовать. Беситься. Биться головой об стенку от бессилия! – с удивлением подумала Судьба, снова разглядывая человека через лупу. – Боже мой! Круглый ноль. Генетика, моя подружка, уже постаралась. Коварнее удара не придумать! Снизу. Под дых. Бесталанный человек ничего в жизни не добьется. Это неудачник. Он обречен клясть судьбу, то есть меня!

– Талантов нет. Да! – подумал Мировой Разум, вглядываясь снова в человека. – Остается только трудиться, чтобы восполнить скорость постижения. Труд – это тот же талант, только успехи к нему собираются по крошкам и приходят через годы, в то время как к гению приходят через неделю и сваливаются будто с неба.. Будем трудиться. В поте лица своего. Если надо – будем жрать землю, рыть копытом, биться головой об стенку и пробивать ее в страну Успеха...

– Сил мало. Тщедушный. Быстро вытянет ноги! – покачала головой Судьба.

– Будем качать пресс. Плавать и прыгать с трамплина. Головой в прорубь и назад. – быстро прикинул Разум план укрепления сил.

– Если подставить ногу – упадет! – злорадно засмеялась Судьба.

– Упадет и встанет. Сила воли поднимет и поставит на ноги! – был уверен Разум.

– Иммунная система подорвана в корне. Не хватает сельдерея и железа...

– Каждое утро – мощная зарядка и морковный сок. Бананы. Два куриных яйца ежедневно...

2. Третья мировая сила

Я проснулся, вытянул руки из-под одеяла, сладко потянулся и уставился узкими со сна глазами в потолок. Тут же появилась перед воображением Людмила.

Когда боль разлуки становится нестерпимой, когда хочется увидеть эту чудесную женщину, одеваешься, выходишь на улицу и идешь куда глаза глядят. Ноги идут, сердце ведет, глаза глядят вперед, словно хотят кого-то увидеть. Наконец приходишь к тому месту, где тебя ждут... Я подошел, поднял глаза и не удивился, увидев Людмилу. Она словно ожидала меня на этом месте и радостно помахала рукой. Моя замечательная женщина была в элегантной курточке бежевого цвета, в темных очках в золотистой оправе, с алой лентой в пушистых светлых волосах, в темно-серой юбке, в легких коричневых туфельках на высоком каблуке и темной сумочкой через плечо.

– Добрый день, Лука! Идите сюда! – закричала она еще издали.

Я ведь и шел "сюда"!

– Добрый день, Людмилушка! – ответил я, целую ее и вдыхая ее ароматы. – Что Вы тут делаете?

– Дожидаюсь Вас...

– Меня?! Вы знали, что я приду?

– Не знала, но хотела, чтобы Вы пришли.

– Вы чувствовали, что я иду?

– Конечно! – воскликнула Людмила, смеясь, – Ваши башмаки так громко хлопают по асфальту, что не слышать вашего приближения может только глухой!

– Странно! – отозвался я задумчив, – я не шел, а летел на запахи вашего аромата, как летит пчела на запах цветка...

– Кстати, сколько лет вещам, которые на Вас? – неожиданно спросила Людмила, подозрительно оглядев меня с ног до головы.

– Э...ну...а...я не помню... – недоуменно ответил я.

– Вот именно! – кивнула она. – В этом-то и дело. У Вас все такие вещи или еще древнее?

– Что значит – древнее?! Это современные, хорошо усевшиеся вокруг тела вещи! Добротные... Их еще носить, да носить...

– Ни в коем случае! – воскликнула Людмила. – Никогда! Кстати, у вас есть с собой деньги?

Деньги! Все время эти деньги! Любопытно, для чего нужны деньги, чтобы покупать заблуждения, иллюзии; у кого денег много – перед ним распаивается мир соблазнов, красивых вещей, красивых женщин, путешествий и впечатлений, высоких должностей, дорогих хобби, забавных желаний, экзотических увлечений. Счастье это набор дорогих, приятных, красивых покупок, среди которых впечатления, ощущения, предметы. У бедняка взгляд на мир прост и безрадостен. У него нет иллюзий...

– Деньги у меня есть, но их всегда не хватает! – ответил я правдиво. – Кроме того, на дворе мировой финансовый кризис...

– А кто вам, мужчинам, виноват? – изумилась мне прямо в лицо Людмила. – В основе ваших всяких драк, войн и кризисов лежат ваши отвратительные мужские свойства – жадность, хитрость, лживость, мошенничество, подлость, лукавство... Вы, хваленые мужчины, своим мерзким характером и гадкими свойствами способны породить любой кризис, и...и... даже антикризис!! – здесь она неуверенно покосилась на меня и звонко продолжила:

– Эх! Нет на вас, мужчин, кризиса женского!

– Это что еще за диковинный кризис? – едва не подпрыгнул я от удивления.

Мне с ней было удивительно легко. Легкость в общении – это признак духовной близости.

– Была бы на 100 мужчин одна, даже самая простенькая, самая незаметная, самая веснушчатая женщина! О! В какой цене была бы она! Вы бы, сластолюбцы, политики, болтуны, диктаторы, заправилы, властолюбцы, завоеватели... забыли про все остальные кризисы! Но косметическую промышленность никогда, слышите, никогда не коснется никакой кризис, ибо женщина никогда не позволит себе выглядеть плохо! Ладно, идемте!

– Куда?

– Вы сейчас разденетесь...

– Зачем?!

– Мы идем покупать вам новые, современные вещи! – наконец пояснила Людмила свою задумку.

– Нет! – искренне закричал я.

– Пожалуйста! – неожиданно ласково сказала она.

– Я не могу идти, – сказал я, – у меня неожиданно, ни с того ни с сего, заболел живот!

– Ничего, пройдет! – заявила она спокойно и пошла вперед. Я поплелся за ней. Пройдя несколько шагов я остановился.

– Ну, что еще? – подозрительно спросила Людмила, обернувшись.

– Мне срочно нужно домой! Я только сейчас вспомнил, что я, кажется, забыл выключить утюг.

– Утюг?! – засмеялась она на всю улицу. – У Вас есть утюг? Что же Вы им гладите? Уж не эти ли лохмотья?!

– Как, лохмотья?! – поразился я. – У меня есть много дорогих и верных мне вещей! – с достоинством продолжил я.

Я действительно так считал. Было ли у меня время обращать внимание на то, как я одет? Я был одет, – и этого было достаточно.

Людмила молча подошла ко мне, взяла за руку и потащила за собой. Против этого мне нечего было возразить. Мы подошли к магазину и на этом поток ее мыслей остановился. У входа в магазин нас встретил элегантно одетый манекен, на груди которого была табличка:

“Hier bin ich Mensch. Hier kauf ich ein“ *

– Для начала мы приоденемся! – сказала Людмила, обеспокоенная моим молчанием и моим спокойствием. Она носилась от вешалки к вешалке с брюками, рубашками, пуловерами, жилетками, носками и ремнями, а я покорно и достойно подставлял свое тело для примерки, чем, кажется, вызывал несказанное удовольствие у моей красавицы.

Наконец, я был одет по последней моде; моя прежняя одежда, словно старая кожа гадюки, лежала у моих ног. Сказка о царевне-лягушке пришла мне на ум. Не в этом ли глубинный, могучий, великий смысл ее, что женщина, сбросив старые одежды и облачившись в новые, превращается в принцессу, а мужчина – в человека?

Мы вышли из магазина, постояли у фонтана, я молчал, прислушиваясь к своим новым ощущениям.

– Почему Вы молчите? – спросила, наконец, Людмила. – Или Вам сказать нечего? А если сказать нечего, предложите что-нибудь!

– Что я могу предложить?

– Предложите, к примеру, мне стать Вашей женой!

Я вспомнил свой странный сон про Судьбу и Мировой разум, эти две мощные жизненные силы, и подумал:

"Похоже, кроме Судьбы и Разума есть еще одна мировая Сила. Это любимая Женщина"

—

*Здесь я человек. Здесь я покупаю.(нем.) Примечание автора.

Плохая книжка

Это была самая плохая книжка из всех книг, стоявших на полках большого книжного магазина. Ее никто не покупал. Ее даже никто не брал в руки, чтобы хотя бы полистать, заглянуть в аннотацию, поглядеть на обложку. Да! Смотреть было не на что, серая бумага, мелкий шрифт, скромное невыразительное название «К себе». Вот если бы она называлась «Любовные похождения Шарлотты» или: «Кто следующий?». И автор был такой же неприметный, неизвестный, какой-то... Лука Лукин...

Когда в 10 часов открывался магазин и первые возбужденные читатели бросали жадные, нетерпеливые взгляды на стеллажи, плотно уставленные книгами, бумажное сердце этой плохой книжки сжималось от тайного предчувствия.

"А может быть сегодня...придет мой любимый... читатель?!"

Она все еще надеялась, да, да, она все надеялась и мечтала быть прочитанной, понятой; она хотела, как все книги, как все люди, как всё в этом мире – предметы, явления, растения, животные – чтобы ее полюбили, о ней говорили! Ах, как она живо представляла себе быть прочитанной, зачитанной до дыр, затрепанной в карманах! А может даже однажды ее поставят на книжную полку в один ряд с Германом Гессе, Александром Пушкиным, Артуром Шопенгауэром, Иоганном Вольфгангом Гете! Ах!..

Но, нет! Читатели покупали книги толстые, солидные, в прекрасных переплетах, на великолепной бумаге, с выразительным тисненным рисунком на обложке, с вызывающими пышными названиями, известными, славными именами авторов. И когда эти книги покупали, они даже не оглядывались на оставшихся, чтобы пожелать им испытать счастье тоже быть прочитанными или испытать гордость быть поставленными на полку рядом с великими. Так большие породистые собаки никогда не глядят на шавок и болонок; они для них просто не существуют.

Некоторые из оставшихся книг, особенно те, которые считали себя вправе быть прочитанными, злобно глядели толстым, известным книжкам вслед и срывали свою зависть и зло на других книжках, которым, как им казалось, не быть купленными никогда. Особенно доставалось плохой книжке:

– Зачем тебя вообще написали? – язвительно допытывалась книжка, написанная в стиле иронического детектива.

– Твое место не здесь, среди нас, а вот там, в большом ящике, где книжки, сваленные в кучу, продаются на вес, как картошка! – злорадно шипели другие. – Видишь, пипл на тебя даже не смотрит!

Это была горькая правда! Пипл, толпившийся у полок, скользил по её невыразительному лицу равнодушным взглядом и устремлялся к блестящим, ярким, зазывающим обложкам, на которых красовалось таинственное, магическое слово «бестселлер». Ах! Бестселлер! Это красивое слово так великолепно гармонировало со словом «пипл» и потому такие книжки были обречены быть купленными!

Но реальность для того и существует, чтобы все расставлять по своим местам и потому плохой книжке грозило скорее оказаться в ящике для уцененных книг, чем на полке среди великих.

«И в самом деле, зачем он меня написал, этот неудачник, этот непризнанный гений, этот домашний мыслитель...» – горько думала книжка, робея перед другими, которым она от всей своей доброй бумажной души желала быть купленными, чтобы они оставили ее в покое. Но на место купленным и унесенным домой на диван приходили новые, и ничего не менялось...

Теперь уже эта плохая книжка смотрела с замирающим сердцем не на покупателей, а на продавцов, которые могли во всякое мгновение подойти, снять её с полки и бросить в большой ящик к остальным, которых не купили, для продажи на вес, как картошку.

«Как больно... как больно сознавать, что ты никому не нужна», – думала она и невольные жалобные слезки лились из ее глаз...

Но однажды, уже перед самым закрытием книжного магазина, в зале появился пожилой седеющий мужчина, он огляделся и направился по проходу между стеллажами в ее сторону. Она устало закрыла глаза, все, она не хотела больше надеяться, она устала обольщаться; этот тоже пройдет мимо, надо смириться со своей злосчастной судьбой. И вдруг она почувствовала на своем бумажном теле чьи-то руки! Она вздрогнула! Не были ли это холодные и безжалостные руки продавца? О! нет! Эти руки были теплыми! Они погладили ее бока, полистали в ее страницах и понесли... да, да, понесли на кассу! Она слышала его медленные шаги и раскачивалась в такт его походке... она обомлела и все еще не верила... вдруг он передумает и вернет её назад на полку. Но нет, он молча сунул книгу в карман и вышел из магазина, затем заурчал мотор и книга поехала к нему домой, к ее Читателю, на его теплый уютный диван! О! Диван! Она столько много слышала от других книг хорошего, удивительного о Диване, он казался ее наивной душе местом, где только читают великие книги, это был приют мыслей, оазис воображения, ах, только бы одним глазком увидеть этот загадочный Диван! Неужели придет тот сладостный миг, когда ее принесут на Диван и её читатель, удобно устроившись на нем, будет читать ее, наслаждаться каждой строчкой, да, да, каждой строчкой, она ведь вся состояла из строчек, из предложений – это были ее ткань, ее кровь, ее душа... а потом, переполненный впечатлениями, пропитанный вопросами, он выйдет из дому и пойдет бродить по улицам или станет звонить друзьям и рассказывать о прочитанном, об испитом, о пережитом хмельными, сбивчивыми словами...

Придя домой, он разделся, достал её из кармана, и бережно положил к себе на Диван.

Она очнулась от своих мыслей и грез, открыла глаза, огляделась и увидела маленькую комнату. Но ведь это... Это была комната, где она родилась.

Да, это была комната, где она родилась; здесь прошли ее детство и юность, здесь она играла мыслями и это были ее игрушки, здесь она играла чувствами и это было ее взросление.

На письменном столе стоял юношеский портрет хозяина дома, папы книжки. Как она была на него похожа! Она только внешне была другой – четырехугольной и бумажной, но в ее бумаги переселились и витали над строчками его дух, его любовь, его раздумия и в ней, бумажной, он был более открытым, выразительным, глубоким, чем он был в жизни, на людях. Его мало кто знал до конца, даже из друзей и, прочитав книжку в рукописи, они удивлялись тому, что они его практически не знали, каков он может быть в глубине своей, в своей открытости, в своих надеждах – в самом сокровенном. Так, яблоко не похоже на яблоню, хотя оно родилось и зрело на яблоне, так и книжка – плод автора, не похожа на человека, но связана с ним кровным, генетическим родством. И потому яблоко рождает целую яблоню, а книга – читателей!

Но вот она вспомнила вопрос, который её мучил, все время звенел в ушах; вопрос, который задал «иронический детектив»:

– Зачем ты меня написал, папа?

Он взял книжку в руки, погладил серую обложку, поставил перед собой и, глядя ей в глаза, переспросил:

– Зачем я тебя написал? Да, у людей есть причины писать книги. У каждого свои. Но вспомни, как я тебя писал. Я врач. У врача меньше всего времени для досуга, кругом страждущие люди, им постоянно нужна помощь и сочувствие. Я писал урывками, среди ночи, если выпадала минутка отлучиться от постели больного, в ущерб сну. Я писал о своих страданиях. Я протестовал против бесчеловечных законов и методов правительства, меня травили и грозили, но я писал. Друзья очень быстро отворачиваются от таких людей, я им в свое время верил и доверял, я горевал, когда они уходили, мне было больно. Чтобы не разувериться в людях – я продолжал писать. Я писал во время изгнания из страны, на чужбине, живя на чердаке у чужих людей, без денег, с одной краюшкой хлеба и кружкой воды, но я писал, чтобы не сойти с ума, чтобы сохранить ясную голову. Я изучал себя. Я видел, что постоянно меняюсь.

Потери делали меня человеком. Я терял больных, к которым успел привязаться чуткой душой – и становился еще более чутким; я терял друзей, которых любил доверчивым сердцем – я становился еще более доверчивым. Я потерял родину, оказался на чужбине и понял, – нет ничего ближе и роднее родины. Бесконечной вереницей шли и шли через мою жизнь люди, одни мимолетно, другие задерживались, и всех я помню, они прошли через меня, оставив свой след, вмятину в душе.

На меня нападали какие-то химеры, душила несправедливость, разъедали сомнения, гложила тоска одиночества. Я плохо жил, плохо питался, плохо спал, часто бредил, сомневался, копался в себе, препарировал, прослушивал себя на всю глубину. Но я писал. Разве может от плохой жизни получиться хорошая книжка? Нет. И ты такая же горькая, неустроенная, в ключьях раздумий, сомнений и разуверений, как и я. Хорошие, упитанные, толстые книги от сытой жизни...

Я развивался, воспитывался вместе с писанием, я рос в моем понимании жизни через ее описание, через ее разглядывание, через ее осмысление. Так я пришел к истинно немногому. Я в себе, как ненужные листы бумаги, отбросил все поверхностное, лишнее, глупое, ребяческое, то, что только кажется ценным, интересным, необычным, но при рассмотрении и размышлении спустя время обнаруживались блеск и фальшь.

Потому ты такая... тоненькая, стройная...

Когда я исследовал себя – я был дотошным историком; когда препарировал себя – я был любознательным хирургом; когда читал умных писателей – я был благодарным читателем.

Я написал тебя, и понял, что всю жизнь шел одной дорогой... К себе.

– Но... почему меня не покупают... если я такая... хорошая?

– Ах, какая ты еще наивная книжка! – засмеялся папа и ласково погладил меня по мягкой обложке. – Разве каждая девчонка сразу находит своего принца? Свой, родной читатель для книги, это все равно что принц для девчонки. Его ждут и ...могут не дожидаться.

Он поднялся с великого Дивана и поставил меня на книжную полку. Я увидела с одной стороны прекрасное издание «Фауста» Иоганна Вольфганга Гете, а с другой стороны стоял толстый том Германа Гессе «Игра в бисер». Он поставил меня в один ряд с великими! О!

Сплошная геометрия

Из всех геометрических фигур самая красивая, самая совершенная форма – у шара! Какой он круглый, какой он бесподобный, в нем нет недостатков, все в нем есть. Он всем доволен и смотрит вокруг себя вызывающе и даже высокомерно! Ему незнакомо чувство страдания и, следовательно, сострадания. Как хорошо, приятно, ладно с шаром в быту, в любви, в повседневности. В иной замечательной женщине, как в шаре, есть все и потому она – для всего, она и любовница, и собутыльница, и подруга, и жена, и собеседница, и путешественница, и мать, и хозяйка. Все добродетели в одном флаконе, то есть в шаре. Шар – это самое полное, самое совершенное выражение счастья. Отклонения от него, это дробление на части, на отдельные свойства; это деформация былого совершенства.

Первые психологические проблемы появляются у трапеции, у нее уже чего-то не хватает, что-то отсутствует, немного сверху, немного с боков. И с появлением трапеции появляются первые страдания, первое недовольство собой, а, главное, окружающими.

Нехватка чего-то – источник страданий!

Всекие страдания только по поводу нехватки!

Но дальше – больше! Еще больше уродств у треугольника! Он вообще лишен половины того, что есть даже у трапеции и ни в какое сравнение с самой красивой геометрической фигурой – шаром! Шар ему только снится! У треугольника вообще судьба мало завидная, у него нет ни боков, ни верха, одни острые углы! Как можно с таким угловатым созданием жить, вести совместное хозяйство, копать огород, обсуждать международную обстановку? Он весь

на нервах, он не вылезает из комплекса неполноценности. Он не вылезает из депрессии. Нет, треугольник не для брака, он изведет жену своим нытьем неудачника! Боже мой, боже мой, только родившись треугольником и открыв глаза на себя, уже можно начинать плакать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.